

А.В. Петров
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова

«ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ»: ФЁДОР АБРАМОВ И АЛЕКСАНДР ЯШИН

В статье рассматриваются творческие переключки близких по духу выдающихся русских писателей – Федора Абрамова и Александра Яшина, уроженцев Русского Севера, правдиво и бескомпромиссно пишущих о судьбе русской деревни.

Федор Абрамов, Александр Яшин, деревенская проза, творческие переключки.

Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) посвятил Федору Александровичу Абрамову (1920–1983) стихотворение «Запасаемся светом» (1963–1964). Начинается оно так:

*В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом [12, с. 313].*

Федор Абрамов позаимствовал из него строку для названия своих воспоминаний об Александре Яшине «Семь верст до небес» (1982). В стихотворении речь идет о родном и близком для обоих писателей северном крае, о его суровом климате, о нелегких условиях жизни, но это, действительно, «край добра и чудес», который дорог его обитателям:

*Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.*

*Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом (Там же, с. 314).*

Яркий, знаковый образ «запасаемся светом», в котором заключен как прямой, природный смысл, указывающий на северные белые ночи, так и переносный – о свете души северян, свете, озаряющем все вокруг себя, очень подходит для характеристики творчества и Яшина, и Абрамова.

Двух этих ярких представителей русской литературы связывает и общее крестьянское происхождение, и близкие творческие принципы – правдивое бескомпромиссное описание народной жизни со всеми ее проблемами и трагедиями, и человеческая дружба, в которой не все было гладко.

Федор Абрамов начнет свои воспоминания об Александре Яшине с исповедального и покаянного предупреждения:

Я должен, я обязан написать о нем, потому что многие ли еще так знали этого человека, как я?

Но, боже, как тяжело, как трудно писать об Александре Яшине! Неужели оттого, что и сама-то дружба наша была тоже тяжелая и трудная, то всплывавшая шумно и радостно, как весенний ливень, то опять месяцами тлеющая и чадившая дымной голубешкой, уцелевшей от большого костра?

Да, мы начали с пламенной дружбы, прямо-таки взаимного обожания, а кончили отчуждением, чуть ли не враждой, через которые, к великой горечи моей, мы не смогли полностью перешагнуть даже в самые последние дни поэта [1, с. 255].

Здесь обращают на себя внимание «природные» метафоры, характеризующие дружбу этих двух людей.

Ф.А. Абрамов отмечает, что свели их с А.Я. Яшиным «литературные невзгоды»: в ноябре 1962 года вышла яшинская «Вологодская свадьба» и буквально через месяц – в январе 1963 года – абрамовский очерк «Вокруг да около». И началась фактически травля писателей в прессе, против того и другого использовали также такое мощное оружие, как «глас народа» – открытые письма земляков: Яшина – «Свадьба с дегтем» («Комсомольская правда» от 31 января 1963 года), Абрамова – «К чему зовешь нас, земляк?» («Правда Севера» от 11 июня 1963 года, потом перепечатано в «Известиях» от 2 июля 1963 года).

Сдружились товарищи по несчастью, началась переписка, а потом пригласил Александр Яшин нового друга к себе в дом на Бобришном угоре. Прожил Абрамов в гостях у Яшина две недели, испытал на себе все прелести и ужасы яшинского характера:

И это были незабываемые дни. Нет, нет, Яшин не стал ангелом на другой день. Едкая насмешка, злость и желчность, резкие перепады в настроении, даже грубость, даже жестокость – все это осталось. И с ним было нелегко – того и гляди, ужалит. А с другой стороны, сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, истинного бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства! [1, с. 262].

А вот как описывает знакомство с Абрамовым в своем дневнике Яшин: *Приехал Абрамов Федор Александрович. <...> Ноги у него «подкованные» целы, только ранены. Ходить может. Знакомимся. Лицо жесткое. <...> Прямо в суждениях и резок, как я. Почти во всем сходимся [13, с. 301].*

Опять Абрамов: *...характер у Яшина был совсем не идеальный. Да и у меня, прямо скажем, не сахарный. И искры от нас начали сыпаться чуть ли не с первого дня* [1, с. 267].

Вот обращения из писем Яшина, свидетельствующие об его отношении к адресату: *Дорогой Федор Александрович!; Федор Александрович, друг мой!; Дорогой мой!*

Ф.А. Абрамов пишет: *Яшину легко давалась переписка. В своих письмах он запросто, без всякой натуги и со свойственной ему откровенностью посвящал меня в свои повседневные дела и быт, очень неустроенный, материально не обеспеченный, делился замыслами литературных произведений, главным образом прозаических...* (Там же, с. 266).

И действительно, в письмах А.Я. Яшин просит совета у коллеги: *Начал писать «Лауреата» и сразу споткнулся, а поговорить не с кем. Сразу почувствовал, как не хватает Вас. Почему же я не посоветовался с Вами, следует ли его оставлять литератором или дать ему другую профессию* (17 ноября 1963); строго, безапелляционно оценивает присланные Абрамовым рассказы и тут же рассуждает о своей и адресата творческой манере: *Мы оба слишком горячимся, кажется, – не следует увлекаться, злиться – чрезмерно, надо больше думать о живописности своих сочинений, о их чисто литературной стороне дела. Иными словами, надо сдерживать свой гражданский темперамент, иначе мы ничего больше вообще сказать не сможем, не дадут* (14 марта 1964); сам дает советы: *Очень прошу Вас не терять голову, когда Вас втягивают в не очень ясные дела и побуждают к «героизму», потому что другие ни на какое геройство не способны и не кладут свою голову на плаху по всякому поводу* (28 марта 1964); заботится о восстановлении доброго имени друга: *Поверь, тебя очень хотят поддержать и поднять, только ты сам должен помочь в этом* (30 апреля 1965); высказывает готовность сорваться и приехать навестить заболевшего друга в больницу: *Только отзовитесь, поманите пальцем – и я приеду, чтобы посидеть около Вас* (23 июля 1966); или вот так иронически-безнадежно шутит: *Плюньте на лишние переживания, сидите, пишите, пока пишется, все равно ничего мы с вами сделать не сможем, не в силах. Пустобрехи мы, и только* (2 ноября 1966).

В дневнике от 17 октября 1963 года Яшин записывает: *Перечитал «Вокруг да около». Очень сильно. Напишу письмо Абрамову* [13, с. 305]. «Александр Яшин написал ему, что считает повесть “высокоталантливым произведением”, написанным “для пользы дела”. И еще очень важные строки из яшинского письма: “Необходимо, чтобы Вы полностью осознали это сами, и, может быть, тогда Вам будет спокойнее переносить неприятности”» [4, с. 204].

Абрамов признается, что письма к Яшину ему «давались не без мозолей». Вот выдержка из его первого письма: *Большущее спасибо за доброе слово! Я очень рад, что мне наконец-то удалось познакомиться с Александром Яшиным. По правде говоря, я давненько подумывал об этом сам, но все как-то не решался. А именно с Вами и прежде всего с Вами я хотел бы поговорить о том, чем живу и болею*

(17 мая 1963); в другом письме Абрамов утешает, поддерживает Яшина: *Вы сетуете – плохо пишется. Ничего, это пока неизбежно. Это временно. Но я знаю: Вы как прозаик только еще начинаетесь. В том смысле начинаетесь, что у вас еще все впереди, хотя, конечно, наивно было бы думать, что из-под вашего пера каждый год будут выскакивать «Рычаги» и «Свадьбы». Нет, чуда такого не бывает. И вещи эти эпохальные. Здесь говорится об уже упомянутой «Вологодской свадьбе» и о рассказе Александра Яшина «Рычаги» (1956). «Этот краткий, искренний, выстраданный смелый рассказ произвел впечатление разорвавшейся бомбы. На Яшина наклеили ярлык “очернителя”. А рассказ “Рычаги” стал одним из первых ростков, из которых выросло замечательное явление литературы 1960–1970-х гг. – так называемая “деревенская проза”, правдивая, острая, емкая, бескомпромиссная* [10, с. 184].

В письме Яшина В.В. Овечкину от 1 мая 1965 года можно встретить замечание: *Таких пасмурных писем я от тебя еще не получал. Только от Федора Абрамова порой приходят такие же печальные, пожалуй, даже больше – отчаянные. Да еще мои к нему – все с надрывом.*

Именно Александр Яшин познакомил Федора Абрамова с Василием Ивановичем Беловым, случилось это в 1964 году в Краснодаре на выездном пленуме Союза писателей РСФСР по вопросам литературы и сельского хозяйства: *Как? Вы Василия Белова не знаете? Да он один стоит всего нынешнего совещания! Ей-богу!* [1, с. 267] – так передает Абрамов восторженные слова Яшина о Белове в очерке «Семь верст до небес». Об отношении Яшина к своему молодому земляку красноречиво свидетельствуют и такие его признания в письме Абрамову от 2 ноября 1966 года: *А у нас Вася Белов живет! Он вернулся с Тихоокеанского. <...> а я на него смотрю уже как на Льва Толстого... А вот из письма Яшина Белову от 20 апреля 1968 года: Я очень счастлив, что с самого начала не ошибся в тебе, что с самого начала и как-то сразу почувствовал тебя, твою силу и оказался (верно же!) почти «провидцем». Только бы ты не скопытился раньше времени, родной мой!* О творческих переключках Федора Абрамова и Василия Белова см. нашу статью [8].

Федор Абрамов при жизни Александра Яшина в 1963 году опубликовал рецензию на его повесть «Сирота», собственно, с отклика Яшина на эту рецензию и началась их переписка. Рецензия вышла под провокативным названием «Всегда ли надо жалеть?»: *Всегда ли стоит терпеть лишения, приносить себя в жертву ради помощи ближнему? Кого и когда надо поддержать? <...> Произошло как бы смещение ценностей: растили и вскармливали сорняк, а доброе зерно осталось без хозяйского пристмотра* [1, с. 344–345]. Подобное «смещение ценностей», по наблюдениям Андрея Туркова, изображено в романе Абрамова «Две зимы и три лета» и связано с образом Егорши Ставрова, который находится в некотором «родстве» с яшинским Павлом Мамыкиным [11, с. 95].

В 1973 году к 60-летию А.Я. Яшина Федор Абрамов написал статью «Александр Яшин – поэт и прозаик». Основная метафора в ней – костер: *Поэтиче-*

ский костер Александра Яшина разгорался лет двадцать, не меньше. Дрова, из которых он был сложен, поначалу были довольно сырые, и потребовались годы и годы, чтобы они, просохнув на солнце культуры и жизненного опыта, дали жаркое пламя [1, с. 346]. И в финале: *...костер, зажженный Яшиным в литературе, не погас. Напротив, он разгорается все сильнее с каждым годом и долго, долго еще будет светить благодарным читателям* (Там же, с. 353).

Вершиной творчества Александра Яшина Ф.А. Абрамов считает последние его поэтические сборники – «Босиком по земле» и «День творения», названия которых, по его мнению, исполнены «глубокого, символического смысла». Среди лучших стихотворений Абрамов называет и посвященное ему «Запасаемся светом».

Обращает внимание Федор Абрамов на яшинское стихотворение «Кулик» (1966):

*А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем* [12, с. 350–351].

Андрей Турков по этому поводу пишет: «Только человек, сам прекрасно знакомый с трудной участью “пэтээрщиков” (производное от сокращенного названия противотанкового ружья – ПТР), вступившим со своим длинноствольным оружием в неравный поединок с бронированными машинами, мог так остро, почти мучительно прочувствовать аналогию, возникшую в душе поэта при виде долгоносого кулика!» [11, с. 15].

Федор Абрамов, процитировав это стихотворение, воскликнет: *Это – великолепно! И избави боже меня от всяких комментариев*. А потом перейдет к важным обобщениям: *...стихи его последних лет без малейшего преувеличения можно назвать поэтическим дневником души – души мятущейся, не всегда легкой в общезжитии, но всегда отзывчивой, глубоко страдающей от лжи и подлости, всегда готовой очертя голову вступить за человека, за правду* [1, с. 350]. Как замечает А.М. Турков, «эта характеристика во многом применима к самому Абрамову» [11, с. 59].

Читаем дальше статью Абрамова: *Прозу Александра Яшина можно было бы назвать беспокойной. Вокруг его прозаических произведений закипали настоящие бои. Они будоражили читателей своим бойцовским темпераментом, гражданственностью, острой постановкой насущных вопросов общественного развития. И прежде всего вопросов, связанных с жизнью деревни* [1, с. 351–352].

Потом идет цитата из рассказа Александра Яшина «Угощаю рябиной»: *Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живется и пишется* (Там же, с. 352). «Подобная же “кровная, нерасторжимая связь писателя с родной землей” была в высокой степени свойственна самому Абрамову» [11, с. 215].

Федор Абрамов отмечает в творчестве Александра Яшина такое важное качество, как «исповедальная правдивость и искренность». Писатель Николай Жернаков вспоминает: «Незадолго до смерти, при встрече

в Москве, Александр Яковлевич в разговоре со мной о месте литературы в жизни народа, еще раз напомнив о том, что для всех нас необходимо находить в себе силы “перешагнуть через самих себя”, что этого требует совесть художника, горячо сказал: “Главное в нашем деле – быть Человеком. Никогда не опускаться до полуправды. Полуправда – страшнее лжи”» [5, с. 240].

В интервью «Кое-что о писательском труде» (1974) на вопрос журналиста «Чей творческий опыт из современных писателей вам наиболее близок?» Федор Абрамов ответил: *Не могу не сказать об Александре Яшине. Он был моим другом, и я всегда с безмерной грустью думаю о нем. Смерть сразила его на взлете, в то время, когда он только по-настоящему расправил свои могучие крылья. У него есть стихотворение «Орёл», где великолепно нарисован образ гордой птицы, которую подстреливают из-за скалы, но умирать она поднимается в свои высоты. Этот орел – сам Яшин* [1, с. 403].

Процитируем финал этого стихотворения:

*Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал* [12, с. 216].

В интервью «Сотворение нового русского поля» (1980), рассуждая о критике, которая «не выверяет литературу жизнью», Ф.А. Абрамов замечает: *Впечатление такое, что критики не сходят с асфальта на землю. Им бы внять совету покойного А. Яшина и пройтись «босиком по земле»!* [1, с. 440].

Вспомним это стихотворение:

*Бродить по сырой земле босиком –
Это большое счастье!* [12, с. 212].

Летом 1981 года Федор Абрамов по просьбе издательства написал небольшой отзыв о повести Александра Яшина «Баба Яга» (1960), в котором отметил, что *писатель, по-сыновнему заинтересованный в делах и жизни деревни, страны, всем своим повествованием, каждой строкой взывает к разумному, расчётливому хозяйствованию на земле* [1, с. 382].

В основе повести трудная, горемычная судьба главной героини – старухи Устиньи, которую за глаза, а то и в глаза называют Бабой Ягой. И это не случайно – тяжелый, невыносимый характер у этой, безусловно, сильной женщины, которой довелось много страдать, терпеть обиды, а потому и ожесточиться, стать нелюдимой, мизантропически настроенной. Абрамов пишет об образе, созданном Яшиным: *объемный, словно вырубленный из дерева-монолита*. Заканчивает он отзыв о повести так: *Александр Яшин был настоящим писателем. Что называется талант от бога. А слово истинного художника всегда поучительно и бесценно* (Там же, с. 382).

В интервью «О своей работе» (1982) Ф. Абрамов скажет: *Только что закончил большой очерк о прекрасном русском писателе Александре Яшине, с которым был дружен и которого высоко ценю. Это – портрет-воспоминание, основанный на наших встречах, разговорах, рассказ о его литературных пристрастиях, человеческих чертах* [1, с. 467]. Необходи-

димо заметить, при жизни писателя очерк «Семь верст до небес» не был опубликован, он вышел посмертно с сокращениями в ноябре 1983 года.

Многое сближает Федора Абрамова и Александра Яшина и в творческом, и в человеческом плане. В их наследии можно обнаружить немало сходных суждений, основанных на родственных убеждениях писателей.

Вот о родном Севере: *Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщичками* (А. Яшин «О моих корнях», 1963) [13, с. 98]; *Север – это заповедная земля нашей национальной культуры. Сказки, былины – все, что изначально создано русским народом, нашими дальними предками, пращурами нашими, все здесь еще до сих пор, даже сегодня, сохранилось в первозданной красоте* (Ф. Абрамов «Я всегда взываю к активности...», 1981) [1, с. 182].

Вот высказывание Александра Яшина о народном языке в литературе: *Что же касается долговечности языковых традиций в русской литературе, думаю, что и сегодня наиболее живой и современной является та, которая питается соками живого, разговорного языка и так будет всегда* («Литература и язык», 1967) [13, с. 101–102]. Прочитируем его же стихотворение «Родные слова» (1962):

*Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступить
Из вверенного наследства* [12, с. 285].

Федор Абрамов в интервью признается: *Когда я приезжаю в деревню, то буквально омываюсь в живых родниках речи. Слушая родную «говóрю», я чувствую себя счастливым. Через слово возвращается ко мне мое детство, открывается та среда, откуда вышел я и все мои герои* («Язык, на котором говорит время», 1972) [1, с. 450–451].

Совпадают взгляды писателей на совесть как важнейшую нравственную категорию. А. Яшин в письме Ф. Абрамову от 17 ноября 1963 года пишет: *...писатель прежде всего совесть народа, а затем уж (и потому лишь) инженер человеческих душ и прочее*. Один из сборников стихов он озаглавливает «Совесть» (1961), впоследствии назовет ее лучшей своей книгой, поскольку *она выстрадана, а не сочинена*; в «Строфах» можно обнаружить такое его четверостишие, датированное 1963 годом:

*Все во имя совести,
Все во имя чести,
Все – от первой повести
До последней песни* [12, с. 449].

Широко известно ставшее крылатым высказывание Ф. Абрамова из его выступления в телестудии «Останкино»: *Что я понимаю под душевной работой каждого? Это самовоспитание, строительство собственной души, каждодневный самоконтроль, каждодневная самопроверка высшим судом, который дан человеку, – судом собственной совести* [1, с. 227–228].

Интервью Федора Абрамова «Кое-что о писательском труде» (1974) заканчивается так: *Писать для народа – значит помочь ему понять свои силы и сла-*

бости. Важная задача искусства – просвещение. Высшая цель его – правда и человечность, так сказать увеличение добра на земле. И красоты [1, с. 406].

Александр Яшин в больнице перед трудной операцией, фактически перед лицом смерти пишет заметку «Вместо ответа на анкету о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее» (24 апреля 1968): *...о том, что из нашей работы станет «народным», что нет, пусть скажут другие, пусть время скажет. А оно обычно не спешит с оценками, не то что мы сами. А «теоретизирование» на эту тему – не наше дело, не стоит на него тратить время и силы* [13, с. 104].

Можно найти много переключек в творчестве А.Я. Яшина и Ф.А. Абрамова. К ним следует отнести и имеющие большой резонанс статьи, написанные ими на злобу дня, о конкретных проблемах конкретных деревень: яшинская «Ладно ли?» (1962) и абрамовское открытое письмо землякам «Чем живем-кормимся» (1979).

Показательна статья Александра Яшина «Пишет сельский сход» (1967), в которой публикуется и комментируется реальное письмо от членов сельхозартели родной деревни писателя Блудново, написанное в защиту автора повести «Вологодская свадьба»: *Я писал, думая о правде, и за эту же правду вступились мои земляки – смело, по-государственному, по-партийному* [13, с. 65]. С гордостью говорит Федор Абрамов о реакции земляков на его открытое письмо: *Представьте себе, выходит газета, я ни жив ни мертв, и ко мне является депутация старух: «Спасибо, Федор Александрович. Давно знаем, что вы писатель, а вот, что настоящий писатель, узнали только сегодня»* («Самый надежный судья – совесть», 1981) [1, с. 224].

Взаимоотношение с земляками, прототипами героев произведений, не всегда у писателей складываются гладко, и здесь также можно обнаружить сходство Абрамова и Яшина. В очерке «Семь верст до небес» Ф.А. Абрамов пишет о растянувшейся почти на неделю их с Яшиным «гостьбе по героям» повести «Вологодская свадьба», далеко не всем прототипам она пришлась по нраву, в очерке приводятся недомысленные слова Яшина: *Ничего, ничего не понимаю. За что они меня так? Что я сделал им плохого?*; за ними следует комментарий Абрамова: *А как? «Прославил» своих земляков на весь свет, и еще хочет, чтобы его благодарили*; и далее: *И тут начался у нас нервный и болезненный для обоих разговор о земляках, о взаимоотношениях писателя с земляками, которые, увы, далеко не всегда поддерживают его в борьбе за правое дело* (Там же, с. 263). О ссоре с одним из прототипов своей повести расскажет Абрамов в статье «Сюжет и жизнь» (1971) (Там же, с. 333–334).

Сходятся оценки А. Яшина и Ф. Абрамова близких им по духу писателей. И тот и другой благодарны Александру Трифоновичу Твардовскому как выдающемуся поэту, редактору «Нового мира», вдохновлявшему и поддерживавшему писателей-деревенщиков. Об этом можно прочитать в дневниках Яшина, в многочисленных интервью Абрамова, в его записках о Твардовском. Вот лишь одна выдержка: *Да, да, если кто-нибудь из современников и оказал на меня влияние, так это он, Твардовский, прежде всего Твардовский*

(Ф. Абрамов «Кое-что о писательском труде», 1974) [1, с. 403]. Оба высоко ценили творчество Николая Рубцова: *Рубцов поэт редкого дарования* (из дневника А. Яшина, 28 августа 1967 г.); *Бог явил нам радость и чистоту в виде стихов Рубцова и взял обратно: недостойны* (из записок Абрамова, 12 июня 1975).

Александр Яшин произнес яркую речь на Втором всесоюзном съезде советских писателей 21 декабря 1954 года (опубликована под названием «Поэзия и жизнь»): *Лакировка вместо критики и самокритики и бездумное бахвальство сдерживают развитие нашей могучей литературы, ослабляют ее воздействие на жизнь и людей* [13, с. 109]. Во многом она созвучна вышедшей в этом же году статье Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», предопределившей его писательские принципы: *...может показаться, будто авторы соревнуются между собой – кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию* [9, с. 304].

Выступления самого Федора Абрамова на писательских съездах «О хлебе насущном и хлебе духовном» (23 июня 1976) и «Слово в ядерный век» (2 июля 1981) оказывали сильное воздействие на слушателей. Вспоминает Валентин Распутин: «Когда Федор Александрович поднимался на трибуну, зал замирал. Во время его выступлений в фойе не оставалось, вероятно, ни одного человека, все возвращались на свои места, чтоб ни слова не пропустить из того, о чем нынче в первую очередь хлопочет совесть, что говорит правда» [9, с. 6].

Сближает судьбы этих писателей и такая деликатная проблема, как внебрачная любовь. В опубликованных воспоминаниях Ф. Абрамова «Семь верст до небес» отсутствует глава о взаимоотношениях Александра Яшина и Вероники Тушновой. В 1982 году редакция журнала «Наш современник» предложила автору изъять «спорную» главу, он отказался, и тогда материал «зарубили» целиком, последующие публикации очерка также выходили без этой части воспоминаний. Впервые изъятая глава была опубликована Л.В. Крутиковой-Абрамовой в газете «Правда Севера» от 21 мая 1996 года. В ней Абрамов приводит такие свои доводы, чтобы убедить Яшина в его неправоте: *Где у тебя силы? – кипятился я. – Или ты семнадцатилетний юнец-романтик, не понимающий, что любовь – это не только радость, но и вериги. Она требует времени, сил, ответственности, заботы. А где у тебя время? Думаешь ли ты о других людях? Ты уверен, что любовь – это поэзия, крылья, вдохновение... Но ведь это одновременно огромная нагрузка на сердце, на совесть. Ты и себя и ее сжигаешь...* [2, с. 3].

Сам Абрамов, спустя некоторое время, окажется в таком же положении, как и его друг: об его увлечении некой В. и своих страданиях по этому поводу откровенно расскажет в своей книге «В поисках истины» Л.В. Крутикова-Абрамова, приведет выдержки из его дневника: *С В. решил покончить. Люсю жалко, да и самому невмоготу – наверно уже инфаркт в сердце ношу. Но хватит ли сил? (1 ноября 1974); Ведь ты же знаешь: там никаких перспектив. Уйди с головой в искусство и вырви к чертям из себя эту страсть. Ведь*

ты же обретишь свободу. Разве ради этого не стоит пойти на жертвы? (19 декабря 1974) [6, с. 230].

Яшина с Тушновой разлучила смерть, Абрамова с В. – литература: *Из-за романа отрекаюсь от В.* – напишет он в дневнике 28 февраля 1975 года. Получается, он внял собственным доводам.

Федор Абрамов вместе с Александром Михайловым (один не решился) навестил умирающего Александра Яшина в больнице, о чем он пишет в очерке. Вот показательный фрагмент:

– *А роман-то Федора Александровича читали? – вдруг спросил Михайлов.*

Я весь внутренне вздрогнул: что-то сейчас скажет Яшин о моих «Двух зимах и трех летах»? Ведь роман был напечатан в первых номерах «Нового мира» за этот год, когда он еще был относительно здоров, и едва ли он не проявил к нему никакого интереса.

Яшин не ответил. И только когда разговор зашел о Василии Белове, его духовном сыне, глаза его, очень строгие, отрешенные, чем-то напоминающие святых с фресок Феофана Грека, на какое-то мгновение, мне показалось, посветлели [1, с. 270].

Феликс Кузнецов вспоминает, как потряс Федора Абрамова его рассказ о последней встрече с Александром Яшиным за неделю до смерти: «Яшин умирал тяжело и уже почти не мог говорить. Тихим, шепелящим голосом, глядя прямо перед собой своими огромными глазами, в которых было разлитое страдание, Яшин сказал: “...все сводится к четырем словам: Жизнь. Смерть. Правда. Ложь”. Абрамова поразила нравственная точность. Он привел эти слова Яшина в “Траве-мураве”» [7, с. 19].

У Шамиля Галимова читаем: «Эти яшинские слова не случайно выбраны Ф. Абрамовым. Они очень соответствуют и его жизненному кредо, его писательской позиции. Ибо, действительно, только ПРАВДА для Ф. Абрамова синоним ЖИЗНИ (выделено Ш.З. Галимовым. – А. П.), а ложь так же ненавистна и разрушительна, как смерть» [3, с. 199].

Александр Яшин похоронен на Бобришном угоре, такова была его последняя воля: *...хочу быть только на Бобришном Угоре, против крыльца моей избы, над обрывом. Больше никаких просьб у меня нет* (запись в дневнике от 4 апреля 1968 года). Абрамов завершит свой очерк-воспоминание словами: *Яшина похоронили на его любимом Бобришном угоре, которому суждено было стать поэтическим образом всего его творчества* [1, с. 271].

Федор Александрович Абрамов обретет вечный покой в апреле 1983 года на своем Абрамовском угоре в родной деревне Веркола рядом с домом, который он сам построил. И в этом они тоже окажутся сходны с Александром Яшиным.

Литература

1. Абрамов, Ф. А. Чем живем-кормимся / Ф. А. Абрамов. – Ленинград, 1986.
2. Абрамов, Ф. А. О любви Александра Яшина и Вероники Тушновой / Ф. А. Абрамов // Правда Севера. – 1996. – 21 мая. – С. 3.
3. Галимов, Ш. З. Федор Абрамов : творчество, личность / Ш. З. Галимов. – Архангельск : Северо-западное книжное издательство. – 1989. – 249 с.

4. Доморошенов, С. Н. Великий счастливец : биография Федора Абрамова : к столетию со дня рождения писателя, 1920–2020 / С. Н. Доморошенов. – Архангельск : КИРА. – 2019. – 477 с.
5. Жернаков, Н. К. Кричите, гуси осени моей...: по страницам памяти / Н. К. Жернаков. – Архангельск : Северо-западное книжное издательство. – 1987. – 287 с.
6. Крутикова-Абрамова, Л. В. В поисках истины: воспоминания и размышления о прожитой жизни / Л. В. Крутикова-Абрамова. – Архангельск : Площадь искусств, 2015. – 310, [1] с. : ил.
7. Кузнецов, Ф. Обостренность гражданской совести / Ф. Кузнецов // Абрамов, Ф. А. Чем живем-кормимся / Ф. А. Абрамов. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1986. – С. 3–28.
8. Петров, А. В. «Ощущение полного духовного родства»: Василий Белов и Федор Абрамов / А. В. Петров // Беловский сборник. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 22–27.
9. Распутин, В. Г. Его сотворенное поле / В. Г. Распутин // Советская культура. – 1987. – 10 марта. – С. 6.
10. Скепнер, Л. С. Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : книга для учителя : монография / Л. С. Скепнер. – Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2002. – 237, [2] с.
11. Турков, А. М. Федор Абрамов / А. М. Турков. – Москва : Радуга, 1987. – 267 с.
12. Яшин, А. Я. Собрание сочинений в 3-х томах. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – Москва, 1984.
13. Яшин, А. Я. Собрание сочинений в 3-х томах. – Т. 3. Статьи. Очерки. Дневники. Письма. – Москва, 1984.

A.V. Petrov

«STOCKING UP ON LIGHT»: FYODOR ABRAMOV AND ALEXANDER YASHIN

The article discusses the way Fyodor Abramov and Alexander Yashin echoed each other's ideas in their books. Both these eminent, like-minded writers were natives of the Russian North, both wrote truthfully and uncompromisingly about the fate of the Russian village.

Fyodor Abramov, Alexander Yashin, village prose, echoes in literature.